

Викторианский роман как жанр: к постановке проблемы

Екатерина И. Самородницкая

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, samorodnitskaya-ei@ranepa.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема викторианского романа в историческом, историко-культурном и жанровом аспектах. В исследовательской литературе не существует единой точки зрения на данное явление: одни исследователи пользуются термином в хронологическом смысле (викторианская литература относится к эпохе правления королевы Виктории [1837–1901]); другие синонимически употребляют понятия «викторианский» и «реалистический»; третьи пытаются выявить специфику явления через внелитературные факторы (отношение к социальной проблематике, философский контекст и пр.). Подобные подходы, при всей их обоснованности, не проясняют природу викторианского романа как целого. Автор статьи выдвигает гипотезу о том, что викторианский роман представляет собой жанровую разновидность классического романа XIX в., и в качестве его отличительных черт можно выделить следующие: внимание сосредоточено на действии (фабуле), а не на персонаже; социальная проблематика оказывается в тени внимания к действию; наличие брачного сюжета и счастливой развязки. Вышеперечисленные характеристики не являются исчерпывающими, но позволяют наметить дальнейшие перспективы исследования викторианского романа как жанра. Выявить и сформулировать жанровое своеобразие викторианского романа важно и в аспекте изучения его русской рецепции, ибо в противном случае подобное компаративное исследование не будет иметь специфики.

Ключевые слова: английская литература, викторианский роман, жанр, реализм, поэтика романа

Для цитирования: Самородницкая Е.И. Викторианский роман как жанр: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 173–186. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-173-186

The Victorian novel as a genre. An issue statement

Ekaterina I. Samorodnitskaya

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, 119571;
samorodnitskaya-ei@ranepa.ru*

Abstract. The article deals with the issue of the Victorian novel in the historical, cultural and genre aspects. There is no single point of view on that phenomenon in the academic literature: some scholars use the term in a chronological sense (Victorian literature referring to the era of the reign of Queen Victoria [1837–1901]); others synonymously use the concepts of “Victorian” and “realistic”; some try to identify the specifics of the phenomenon through non-literary factors (attitude to social issues, philosophical context, etc.). Such approaches, for all their validity, do not clarify the nature of the Victorian novel as a whole. The author of the article hypothesizes that the Victorian novel is a sub-genre of the classic 19th century novel, and the following can be distinguished as its distinctive features: attention is focused on the action (plot), and not on the character; social issues are subordinate to the action; the presence of a marriage plot and a happy ending. The above characteristics being not comprehensive, allow outlining further prospects for the study of the Victorian novel as a genre. It is also important to identify and formulate the genre originality of the Victorian novel in the aspect of studying its Russian reception, because otherwise such a comparative study will not have specifics.

Keywords: English literature, Victorian novel, genre, realism, poetics of a novel

For citation: Samorodnitskaya, E.I., (2021), “The Victorian novel as a genre. An issue statement”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, part 2, pp. 173–186, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-173-186

Викторианский роман, одно из крупнейших явлений прозы XIX в., трудно назвать малоизученным, библиография посвященных ему работ поистине огромна. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что точного, специфического определения викторианского романа не существует и что исследователи склонны трактовать на первый взгляд понятное явление весьма разнообразно.

Самая очевидная трактовка – *хронологическая*: викторианской принято считать английскую литературу времен правления ко-

ролевы Виктории (1837–1901). Л. Джеймс в своей монографии “The Victorian Novel” (2007) говорит о викторианском романе как об удобном общепринятом понятии, уточняя, что термин не содержательный, а исключительно хронологический [James 2007, p. 1]. Такая трактовка встречается в работах самых разных эпох и исследовательских школ: в отечественном литературоведении как в советское время в трудах В.В. Ивашевой [Ивашева 1974] и Е.Ю. Гениевой [Гениева 1991, с. 327–324], так и в современной монографии о реалистическом романе [Вайсман и др. 2020, с. 5–36]. Отметим, что в отечественном литературоведении мы практически не обнаружим понятия «викторианский роман» почти на всем протяжении советской эпохи. По-видимому, в самом слове «викторианский» слышалась идея роялистской лояльности; и конечно же, оно никак не помогало описать английский роман XIX в. как анализирующий и критикующий действительность. Упоминания о «викторианском» романе и писателях-викторианцах если и встречались, но, как правило, либо в критическом ключе [Кондратьев 1955, с. 3], либо просто в ходе перечисления, мельком [Аникин, Михальская 1975, с. 257–318, 324–340; Аникин 1986; Клименко 1971].

Впрочем, и в англоязычном литературоведении существует достаточное количество исследователей, пользующихся термином «викторианский роман» исключительно в хронологическом смысле [Quiller-Coach 1927; Leavis 1948; Кеттл 1966; Williams 1974; Brantlinger, Thesing 2005; и др.], вне зависимости от того, как строится предлагаемый ими анализ английской литературы XIX в.: традиционно-описательно, как в книге А. Куиллер-Коуча, с позиций марксистской критики, когда романы Диккенса, Теккерея, Дж. Элиот и других писателей рассматриваются с точки зрения их вклада в фиксацию классовой борьбы и изображение буржуазного общества [Кеттл 1966, с. 105–219] (нельзя не отметить очевидную типологическую близость подобных работ к классическим отечественным исследованиям советского периода и оценку английского XIX в. с позиций критического реализма) или максимально энциклопедически широко, как в фундаментальном исследовании “A Companion to the Victorian Novel” (2005) под редакцией П. Брантлингера и У. Тизинга [Brantlinger, Thesing 2005], в котором собраны наиболее значимые контексты викторианской эпохи, проанализированы репрезентативные жанровые разновидности романа (ньюгейтский, исторический, готический, индустриальный роман, роман воспитания и пр.), а также рассмотрена критическая рецепция викторианской прозы. Однако и в последнем случае не предложено никакой внятной дефиниции викторианского романа;

по-видимому, авторы понимают его, во-первых, хронологически; во-вторых, как совокупность определенных жанров и контекстов.

Целый ряд ученых, признавая расплывчатость понятия «викторианский роман», предпочитают говорить *об английском реалистическом романе XIX в.* Так, И. Уильямс, автор монографии “The Realist Novel in England: a Study in Development” (1974), пользуется определением «викторианская литература», но отмечает, что коль скоро это определение описывает период в истории литературы, включающий в себя и поздний романтизм, и модернизм, оно не может быть работающим теоретическим инструментом [Williams 1974, p. IX–X]. Соответственно, понятие «реалистический» видится исследователю более адекватным, когда речь идет о «средне-викторианском» (mid-Victorian) романе. Представляется интересной (любопытной / продуктивной) и его идея о принципиальной дифференциации английского и французского романов середины XIX в. исходя из их отношения к романтическому наследию: если французский реалистический роман возникает в полемике с романтическим идеализмом, то «средне-викторианский» роман словно не видит этой эволюции и полемики и стремится к примирению противоположностей. Во-первых, Уильямс отказывается от термина «викторианский» роман, однако он предлагает важнейшую рабочую гипотезу, объясняющую специфику викторианского романного сюжета на основе его генезиса. Во-вторых, фиксируя существовавшее в сознании современников противопоставление Диккенса и Теккерея как идеалиста, верящего в примирение противоположностей, и сатирика и критика действительности, а также представление о Теккерее как о более интеллектуальном писателе, Уильямс поначалу как будто недоговаривает: считая обоих писателей реалистами и (хронологически) викторианцами, он не останавливается на их общих чертах. Однако в главе о Дж. Элиот исследователь отмечает, что писательница успешно соединила в своем творчестве основные принципы поэтики Диккенса и Теккерея “with amore detached intellectual view point than either” [Williams 1974, p. 174]. Стало быть, напрашивается вывод о том, что специфика викторианского романа как явления существует, и в качестве типично викторианского можно рассматривать именно художественный метод Дж. Элиот.

Аналогичным образом и монография П.К. Гаррета “The Victorian Multiplot Novel: Studies in Dialogical Form” (1980) [Garrett 1980], посвященная принципам повествования и системе точек зрения в романах Ч. Диккенса, У. Теккерея, Дж. Элиот и Э. Троллопа, представляет собой исследование английского реалистического романа середины XIX в., вновь не проясняющее понятие литературного

викторианства. Понятие «викторианский реализм» используется и в исследовании Дж. Бити “Misreading ‘Jane Eyre’”: A Postformalist Paradigm” (1996); точнее, «викторианский» и реалистический выступают как синонимы. Говоря о романе воспитания, написанном от первого лица, автор отмечает такую его особенность, как отражение перехода от романтического эгоцентризма к викторианскому соционцентризму [Beaty 1996, p. 47–48]: соционцентризм и типизация не являются исключительной чертой викторианского романа, но скорее романа реалистического. Впрочем, понятие «реалистический» Бити употребляет аккуратно, относя рассматриваемый роман Ш. Бронте скорее к некоей промежуточной стадии «романтического реализма» [Beaty 1996, p. 222].

Не претендуя на полноту библиографического обзора, отметим, что анализ викторианского романа как реалистического видится нам вполне оправданным, но при этом резко сужающим специфику явления, причем сужающим не только до произведений первого ряда, но даже и первый ряд оказывается представленным в сильно усеченном виде. Так, Ф.Р. Ливис, рассуждая о великих английских романистах XIX в., сужает их перечень до Дж. Элиот, Г. Джеймса и Дж. Конрада [Leavis 1948, p. 1]. По-видимому, критерием отбора в данном случае является принадлежность писателя к реалистическому направлению, причем к реализму, что называется «высшей пробы»: так, завершая главу о Дж. Элиот, Ливис сопоставляет ее творчество с толстовским, и это явно наивысшая оценка романа [Leavis 1948, p. 125]. Трудно согласиться с тем, что традиция английского романа рассматривается исключительно на материале реалистических текстов. На мой взгляд, богатство и специфика викторианского романа как раз и состоит в разнообразии жанровых разновидностей; но можно понять и стремление автора сузить поле для исследования. Более продуктивной, если двигаться в данном направлении (анализа викторианского романа в аспекте реализма), нам представляется позиция К. Понд, не приравнивающая викторианский роман к реалистическому и не расставляющая приоритеты в отношении большей или меньшей значимости различных разновидностей викторианского романа, но предлагающая анализ «Миддлмарч» в эпистемологическом ключе [Pond 2015, p. 471–481].

Еще один способ рассматривать викторианский роман сводится к *тематическому или идеологическому подходу*: это анализ либо проблематики романов (таких исследований довольно много), либо различных внелитературных контекстов – философских, социальных и т. п. Дж. Ливайн, исследуя взаимосвязь викторианской прозы и теории Дарвина и отмечая бесспорную значимость

естественных наук для становления реалистической литературы, обращает внимание на отражение эволюционной теории даже на уровне структуры текста: отстраненное повествование от третьего лица обусловлено в том числе и научным подходом к анализу действительности [Levine 1988, p. 14]. Более того, по мнению ученого, теория эволюции, викторианский реализм и антиреволюционная идеология тесно связаны между собой [Levine 1988, p. 132]: или научный подход, или идеологический роман. Позже Дж.И. Адамс в книге “A History of Victorian Literature” (2009), делая акцент на внелитературных факторах, таких как развитие капитализма и жестокость социальных отношений, а также на социологических аспектах чтения (цена книги и бумаги, целевая аудитория романа) и пр., полагает отличительной чертой викторианского романа брачный сюжет (*marriage plot*), вписанный в реалистическое направление, и возникающее между ними напряжение [Adams 2009]. Подобный подход основан на хронологии и проблематике, а также на социологии чтения; о жанровой специфике явления речь скорее заходит при обсуждении отдельных деталей и нюансов, и общая целостная и системная картина по-прежнему не складывается.

И все же, несмотря на справедливые сомнения и уточнения исследователей, наше сознание склонно воспринимать английский роман викторианской эпохи как нечто целостное и имеющее специфику. Что же объединяет такие разные явления, как Диккенс и Теккерей, сестры Бронте и Дж. Элиот, У. Коллинз и М. Брэддон, Э. Треллоуп и Э. Гаскелл и многих других? И стоит ли объяснять «викторианское» через тематику, социальные или иные внелитературные факторы, или все-таки существуют общие для различных жанровых разновидностей романа структурно-типологические характеристики?

В целом ряде исследований предпринимаются попытки анализа викторианского романа *в жанровом аспекте*. В известной мере они носят фрагментарный характер, что, на наш взгляд, не отменяет их теоретической ценности. Стоит упомянуть о книге Д. Сесила “Early Victorian Novelists” (1943), где «ранними» викторианцами считаются все предшественники Дж. Элиот и где выделяются три отличительные черты викторианского романа: во-первых, маркирующим явлением для английского романа служит творчество Дж. Элиот: роман до нее и после – это принципиально разные жанровые разновидности; во-вторых, значимой структурной особенностью доджордж-элиотовского романа ученый считает отсутствие единства – жанрового, повествовательного и стилизового; в-третьих, особенностью «раннего» викторианского романа Сесил считает его «неровность», смесь сильных и слабых сторон: излишняя чувстви-

тельность, склонность к дешевой мелодраме, плоские характеры, уход от психологизма [Cecil 1943, p. 6–9]. Однако, по мнению ученого, все эти слабые стороны дополняются такими чертами писателей-викторианцев, как умение занимательно рассказывать, способность показать максимально широкую панораму современного общества, умение изобразить живые характеры, даже когда они психологически недостоверны (например, Рочестер [Cecil 1943, p. 16]). Таким образом, по мнению Сесила, викторианский роман не стоит рассматривать как серьезную литературу, но некоторые общие жанровые черты в нем просматриваются; важнейшей из них, на наш взгляд, является внимание к сюжету и повествованию, а также специфика конструирования образов персонажей – живых вопреки невниманию к психологизму.

Д.А. Миллер в своей работе “Narrative and its Discontents: Problems of Closure in the Traditional Novel” (1981) не говорит непосредственно о поэтике либо структурных особенностях викторианского романа; однако, сопоставляя творчество Стендаля, Дж. Остен и Дж. Элиот в контексте анализа традиционного, т. е. реалистического романа, исследователь так или иначе обращается и к специфике повествования в английском романе, и, сравнивая Остен и Элиот, в романе викторианском. Структурные особенности романов Миллер рассматривает сквозь призму проблем повествования и финала, констатируя обязательное напряжение между ними. Финал «Миддларч», по мнению ученого, не столько «открытый финал» в его привычном понимании, сколько это традиционный, «полный» финал, завершающий повествование, сам факт которого в то же время ставится под сомнение [Miller 1981, p. 194]. В сущности, Миллер, как и многие другие (Ливис, Сесил), констатирует особое место романов Дж. Элиот в ряду викторианской прозы, фокусируясь прежде всего на проблеме нарратива, а не социально-философских контекстов; для него имеет значение не интеллектуальная сухость писательницы, а уникальная художественная структура. Другой вопрос, можно ли рассматривать подобную структуру как специфическую для викторианской прозы. Однако, как нам кажется, даже если это невозможно, выбивающееся из общей массы произведение не в меньшей степени позволяет нам анализировать специфику явления.

Монография Л. Джеймса “The Victorian Novel” (2007) рассматривает викторианский роман как проблему: хронологическую, ибо 1837–1901 гг. – эпоха, когда роман существенно эволюционирует, а не является некой фиксированной формой; проблему самосознания, ибо английские писатели и читатели интересующего нас периода далеко не сразу стали ощущать себя «викторианцами»;

наконец, проблему жанровую. Однако в последнем случае Джеймс прежде всего обращает внимание на то, что современниками роман зачастую не осознавался как самостоятельное литературное явление и воспринимался как один из способов разговора о действительности [James 2007, p. 3]. Викторианский роман предстает реалистическим романом определенной эпохи, и именно в этом ключе он сопоставляется с романами Флобера и Золя [James 2007, p. 33]. Наконец, разбирая возникновение детектива (вида прозы и персонажа), Джеймс отмечает, что он знаменует собой «уход от моральной проблематики и серьезного отношения к чтению, составлявшие суть викторианского романа» [James 2007, p. 64]. Итак, по мнению Л. Джеймса, викторианский роман – это английский реалистический роман XIX в., специфика которого отчасти обусловлена внелитературными факторами.

В монографии Д. Амигони “Victorian Literature” (2011) принята попытка описания викторианства как литературного канона. Рассматривая в качестве образцовых текстов «Тяжелые времена» и «Лавку древностей», а также «Женщину в белом» и «Миддлмарч», исследователь выделяет в качестве характерных черт викторианского романа реакцию на эпоху резких перемен и в целом представление о литературе как о «сырье», необходимом для грядущих общественных изменений; при этом он, как и многие другие, отмечает проблему определения понятия [Amigoni 2011, p. 33]. Подчеркивая, что роман стал центральной формой викторианской словесной культуры, автор рассматривает его эволюцию от ранних произведений Диккенса, выросших, в частности, из развлекательной литературы и публицистики, а также из сентиментального семейного романа, к знаменитым романам Коллинза и Дж. Элиот, к сенсационному и реалистическому романам, между которыми очевидны существенные эстетические различия и которые сосредоточены на «качественно различных, но в обоих случаях медицински и философски обоснованных картинах эмоциональной жизни» [Amigoni 2011, p. 71]. При всей фундаментальности монографии Амигони, тщательности анализа текста и обзоров литературы проблема выявления специфики викторианского романа остается открытой. Раздел “Forming a Victorian Canon” в книге есть; описания специфики викторианского канона (или романа) нет. Нам представляется, что следующим логическим продолжением наблюдений ученого должно стать выявление типологического викторианского сюжета, которое позволило бы говорить об особенностях викторианского романа как целого.

Наконец, Х. Шор в статье “Fiction” (2014) [Shor 2014, p. 349–363] предлагает выявлять специфику в сравнении с романом пред-

шествующей эпохи, 1820–1830 гг., для которого характерна более жесткая социальная локализация: роман высшего света, криминальный или ньюгейтский роман, социальный, индустриальный, семейный роман и т. п. На подобном фоне викторианский роман представляется движением от строго разграниченных жанровых разновидностей романа к романам Диккенса или Дж. Элиот, которые трудно вписать в какой-либо жесткий канон. По мнению Х. Шор, викторианский роман – это определенная повествовательная структура и особый подход к материалу. Правда, остается непроясненным, как в подобную концепцию вписывается сенсационный роман (У. Коллинз, Ч. Рид и пр.). Автор не считает его викторианским? А викторианским романом считает только шедевры? На наш взгляд, в этом и заключается проблема определения явления: не будучи только чем-то обусловленным лишь хронологически, викторианский роман обладает определенными структурными особенностями, характерными для литературной продукции разного качества.

Таким образом, анализ викторианского романа как структуры сводится к необходимости выявления специфического викторианского (традиционно реалистического) нарратива, к констатации отсутствия жанрового единства и к пониманию того, что развлекательные жанры (такие, как сенсационный и криминальный роман) тоже необходимо рассматривать как часть целого (викторианского романа); последнее пока, как мы видим, остается только намеченной перспективой. Иными словами, по мнению большинства исследователей, викторианский роман – это не жанр в классическом смысле слова.

И тем не менее очевидно, что существует некий образ викторианского романа: не случайно, употребляя это словосочетание, все так или иначе понимают, о чем идет речь. Если допустить, что *викторианский роман представляет собой жанровую разновидность классического романа XIX в.*, то в качестве его отличительных черт можно выделить следующие.

1. Основное внимание сосредоточено на действии (фабуле), а не на персонаже. Это не значит, что персонажи примитивные или типологически и психологически неправдоподобные; широкое распространение в рассматриваемую эпоху романа воспитания (не только в творчестве Диккенса, Ш. Бронте или Дж. Элиот), сфокусированного на становлении личности, опровергает подобную трактовку. Скорее это означает, что автору важнее рассказать, а читателю, соответственно, прочитать историю, состоящую из последовательности событий. Возможно, в этом кроется одно из ключевых отличий английского романа XIX в. от его французского

и русского аналогов. Однако в отличие от ряда исследователей, которые на этом основании ставят английский роман на второе место по сравнению с упомянутыми выше разновидностями жанра, мы полагаем, что это структурно значимая черта викторианского романа, в частности, позволяющая отказаться от деления на «высокую» и «низкую» словесность (в целом не вполне характерного для эпохи модерности) и анализировать их в рамках единого литературного процесса.

2. Социальная проблематика, критика действительности оказываются в тени внимания к действию. Опять-таки, это не означает, что социальная проблематика не важна; это означает, что рассказываемая история важнее. Странно упрекать в пренебрежении социальной проблематикой Диккенса или У. Коллинза, чьи романы «Муж и жена» (1870) или «Закон и женщина» (1875) посвящены проблемам женского неравноправия, в том числе в браке. Пример Коллинза представляется нам показательным, ибо это писатель, воспринимавшийся публикой как автор сенсационных романов; однако в занимательно рассказанную историю Коллинз вплетает острые социальные вопросы.

3. Marriage plot и счастливая развязка. Хотя принято считать, что интерес к «анатомии брака» в наибольшей степени характерен для женской прозы [Thomson 1963, p. 147], викторианский роман подобную концепцию не подтверждает. В массе своей романы ранней (в периодизации Сесила) или ранней и средней викторианской эпохи описывают историю пути к счастью и к свадьбе. И дело не только в том, что современники ждали от романа успешного преодоления катастрофы [Beaty 1996, p. 159]; дело, как кажется, в том, что в нестабильную эпоху роман предлагает вариант позитивного развития событий¹. В этом отношении показательной представляется идея А. Берман о том, что оригинальная поэтика как русского классического романа, так и Достоевского начинается с преодоления marriage plot [Berman 2021, p. 53]. Однако нам кажется, что дело не в выстраивании литературной иерархии, а в различном понимании актуальных для романа задач. Задача викторианского романа – воспитательно-развлекательная (и не идеологическая): рассказывая читателю занимательную историю, автор подсказывает ему пути решения различных «трудных» задач. Развивая процитированную выше мысль Дж. Ливайна о соотношении викторианского романа с теорией эволюции, отметим, роман предлагает модель выживания. Счастливый брак в этом смысле воспринимается как часть жизненного успеха.

¹ Подробнее о marriage plot см.: [Hinz 1976, p. 900–913].

Перечисленные нами характеристики, разумеется, не являются исчерпывающими и не могут служить достаточным основанием для утверждения, что викторианский роман – это самостоятельная жанровая разновидность классического романа XIX в. Мы сочли необходимым наметить дальнейшие перспективы исследования, которое, несмотря на многоотомную, выборочно проанализированную нами библиографию, далеко от завершения. Вместе с тем выявить и сформулировать жанровое своеобразие викторианского романа важно и в аспекте изучения его зарубежной, в том числе русской рецепции, ибо в противном случае подобное компаративное исследование не будет иметь специфики.

Литература

- Аникин, Михальская 1975 – *Аникин Г.В., Михальская Н.П.* История английской литературы. М.: Высшая школа, 1975. 528 с.
- Аникин 1986 – *Аникин Г.В.* Эстетика Джона Рёскина и английская литература XIX века. М.: Наука, 1986. 319 с.
- Вайсман и др. 2020 – *Вайсман М., Вдовин А., Клигер И., Основат К.* «Реализм» и русская литература XIX в. // Русский реализм XIX века: Общество, знание, повествование. М.: НЛЮ, 2020. С. 5–36.
- Гениева 1991 – *Гениева ЕЮ.* Английская проза 50–60-х годов [XIX в.] // История всемирной литературы: В 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 7. М.: Наука, 1991. С. 327–334.
- Ивашева 1974 – *Ивашева В.В.* Английский реалистический роман XIX в. в его современном звучании. М.: Худож. лит., 1974. 464 с.
- Кеттл 1966 – *Кеттл А.* Введение в историю английского романа / Пер. с англ. В. Воронина, М. и В. Тарховых; предисл. В. Ивашевой. М.: Прогресс, 1966. 446 с.
- Клименко 1971 – *Клименко Е.И.* Английская литература первой половины XIX века: (Очерк развития). Л.: ЛГУ, 1971. 143 с.
- Кондратьев 1955 – *Кондратьев Ю.М.* Введение // История английской литературы. Т. 2. Вып. 2. М.: АН СССР, 1955. С. 3–35.
- Adams 2009 – *Adams J.E.* A History of Victorian Literature, John Wiley & Sons, Incorporated, 2009. 462 p.
- Amigoni 2011 – *Amigoni D.* Victorian Literature, Edinburgh University Press, 2011. 233 p. (Edinburgh Critical Guides to Literature)
- Beaty 1996 – *Beaty J.* Misreading “Jane Eyre”. A Postfomalist Paradigm. Columbus: Ohio State University Press, 1996. 259 p. (The Theory and Interpretation of Narrative Series)
- Berman 2021 – *Berman A.* Dostoevsky ant the (Missing) Marriage Plot // Dostoevsky at 200. The Novel in Modernity / Ed. by K. Bowers, K. Holland. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2021. P. 41–60.

- Brantlinger, Thesing 2005 – *A Companion to the Victorian Novel* / Ed. by P. Brantlinger, W. Thesing. John Wiley & Sons, Incorporated, 2005. 528 p.
- Cecil 1943 – *Cecil D.* Early Victorian Novelists. L.: Constable & Co, 1943. 332 p.
- Garrett 1980 – *Garrett P.K.* The Victorian Multiplot Novel. Studies in Dialogical Form. New Haven; L.: Yale University Press, 1980. 227 p.
- Hinz 1976 – *Hinz E.J.* Hierogamy versus Wedlock. Types of Marriage Plots and Their Relationship to Genres of Prose Fiction // PMLA. 1976. Vol. 91, no. 5. P. 900–913.
- James 2007 – *James L.* The Victorian Novel. Blackwell Publishing, 2007. 274 p. (Blackwell Guides to Literature. Series ed. Wordsworth, Jonathan)
- Leavis 1948 – *Leavis F.R.* The Great Tradition. L.: Chatto & Windus, 1948. 266 p.
- Levine 1988 – *Levine G.* Darwin and the Novelists. Patterns of Science in Victorian Fiction. Boston, MA: Harvard University Press, 1988. 319 p.
- Miller 1981 – *Miller D. A.* Narrative and its Discontents. Problems of Closure in the Traditional Novel. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981. 300 p.
- Pond 2015 – *Pond K.A.* What do we Know? Reconsideration of Victorian Realism and Epistemological Doubt // Literature Compass. 2015. No. 12/9. P. 471–481.
- Quiller-Coach 1927 – *Quiller-Coach A.* Dickens and Other Victorians. Cambridge: Cambridge University Press, 1927. 224 p.
- Shor 2014 – *Shor H.M.* Fiction // A New Companion to Victorian Literature and Culture. New Companion to Victorian Literature and Culture / Ed. by H.F. Tucker. John Wiley & Sons, Incorporated, 2014. P. 349–363.
- Thomson 1963 – *Thomson P.* The Three Georges // Nineteenth-Century Fiction. 1963. Vol. 18, no. 2 (Sept.). P. 137–150.
- Williams 1974 – *Williams I.* The Realist Novel in England. A Study in Development. London: Macmillan, 1974. 221 p.

References

- Adams, J.E. (2009), *A History of Victorian Literature*, John Wiley & Sons, Incorporated.
- Amigoni, D. (2011), *Victorian Literature*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Anikin, G.V. (1986), *Estetika Dzhona Reskina I angliiskaya literatura XIX veka* [The Aesthetics of John Ruskin and English Literature of the 19th century], Nauka, Moscow, Russia.
- Anikin, G.V. and Mikhal'skaya, N.P. (1975), *Istoriya angliiskoi literatury* [History of English Literature], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia.
- Beaty, J. (1996), *Misreading "Jane Eyre". A Postfomalist Paradigm*, Ohio State University Press, Columbus, USA.
- Berman, A. (2021), "Dostoevsky ant the (Missing) Marriage Plot", in Bowers, K. and Holland, K. (ed.), *Dostoevsky at 200. The Novel in Modernity*, University of Toronto Press, Toronto, Buffalo, London, Canada, UK, pp. 41–60.

- Brantlinger, P., and Thesing, W. (ed.), (2005), *A Companion to the Victorian Novel*, John Wiley & Sons, Incorporated.
- Cecil, D. (1943), *Early Victorian Novelists*, Constable & Co, London, UK.
- Garrett, P.K. (1980), *The Victorian Multiplot Novel. Studies in Dialogical Form*, Yale University Press, New Haven, London, UK.
- Genieva, E.Yu. (1991), "English Prose of the 1850–1860s", in *Istoriya vseмирnoi literatury* [History of World Literature], vol. 7, Nauka, Moscow, Russia, pp. 327–334.
- Hinz 1976 – Hinz, E.J. (1976), "Hierogamy versus Wedlock. Types of Marriage Plots and Their Relationship to Genres of Prose Fiction", *PMLA*, vol. 91, no. 5, pp. 900–913.
- Ivasheva, V.V. (1974), *Angliiskii realisticheskii roman XIX v. v ego sovremennom zvuchanii* [English Realistic Novel of the 19th Century in its Modern Context], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia.
- James, L. (2007), *The Victorian Novel*, Blackwell Publishing.
- Kettle, A. (1966), *Vvedenie v istoriyu angliiskogoromana* [An Introduction to the English Novel], Progress, Moscow, Russia.
- Klimenko, E.I. (1971), *Angliiskaya literature pervoi poloviny XIX veka (Ocherk razvitiya)* [English Literature of the First Half of the 19th Century (An Essay on Development)], Leningradskii gosudarstvennyi universitet, Leningrad, Russia.
- Kondrat'ev, Yu.M. (1955), "Introduction", in *Istoriya angliiskoi literatury* [History of English Literature], vol. 2, no. 2, AN SSSR, Moscow, Russia, pp. 3–35.
- Leavis, F.R. (1948), *The Great Tradition*, Chatto & Windus, London, UK.
- Levine, G. (1988), *Darwin and the Novelists. Patterns of Science in Victorian Fiction*, Harvard University Press, Boston, USA.
- Miller, D.A. (1981), *Narrative and its Discontents. Problems of Closure in the Traditional Novel*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, USA.
- Pond, K.A. (2015), "What do we Know? Reconsideration of Victorian Realism and Epistemological Doubt", *Literature Compass*, no. 12/9, pp. 471–481.
- Quiller-Coch, A. (1927), *Dickens and Other Victorians*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Shor, H.M. (2014), "Fiction", in Tucker, H.F. (ed.), *A New Companion to Victorian Literature and Culture*, John Wiley & Sons, Incorporated, pp. 349–363.
- Thomson, P. (1963), "The Three Georges", *Nineteenth-Century Fiction*, vol. 18, no. 2, pp. 137–150.
- Vaisman, M., Vdovin, A., Kliger, I. and Ospovat, K. (2020), " 'Realism' and Russian literature of the 19th century", in *Russkii realizm XIX veka. Obshchestvo, znanie, povestvovanie* [Russian realism of the 19th century. Society, knowledge, narration], NLO, Moscow, Russia, pp. 5–36.
- Williams, I. (1974), *The Realist Novel in England. A Study in Development*, Macmillan, London, UK.

Информация об авторе

Екатерина И. Самородницкая, кандидат филологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; samorodnitskaya-ei@ranepa.ru

Information about the author

Ekaterina I. Samorodnitskaya, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; samorodnitskaya-ei@ranepa.ru